

ББК 83.3 (2 Рос-Рус) 6-8

И. БРОДСКИЙ И «ЛЕНИНГРАДСКАЯ» ПОЭЗИЯ: НАСЛЕДИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА

Статья посвящена вопросу существования Петербургского текста в XX веке. На примере «ленинградской» поэзии показывается взаимодействие петербургского и ленинградского блоков. Творчество И. Бродского соотносится с современной ему поэзией и наследием Петербургского текста русской литературы.

1910-е годы XX века являются последним этапом в развитии более чем 200-летней истории Петербургского текста в его традиционном понимании. Преобразование Петербурга-Петрограда в Ленинград уже не было только переименованием из идеологических соображений, это был переход на новый политический и культурный формат в рамках преобразования всего государства. Вопрос о Петербургском тексте XX века вообще и о «ленинградском» блоке в частности, возникает именно потому, что мы имеем дело с уникальной ситуацией, когда сформировавшийся, окрепший городской текст способен защитить самого себя или, по крайней мере, способен так влиять на художников, что их творческое поведение и восприятие проходят по модели, предлагаемой этим текстом, а не действительностью. Огромную роль в этом сыграли «свидетели конца и носители памяти о Петербурге, завершители Петербургского текста» [7] – О. Мандельштам и А. Ахматова. Именно «акмеистическая», условно говоря, традиция с ее известной «мандельштамовской» установкой на «тоску по мировой культуре» стала тем стержнем, на котором закрепился впоследствии т.н. «ленинградский» блок Петербургского текста (известна близость именно к этой традиции и поэзии самого И. Бродского).

Что касается вопроса о завершенности/завершимости Петербургского текста, то стоит отметить, что его решение напрямую зависит от решения вопроса о *Ленинградском тексте*, который по-разному проявляется у того или иного автора. С утратой статуса столицы империи, с приходом советской власти определенная большая «глава» Петербургского текста, с которой ассоциируется вся русская классическая поэтическая (в частности) традиция, была завершена. И это отразилось еще в поэзии 1910-х гг. Топоров «закрывателем темы Петербурга, “гробовых дел мастером”» [7] называет К. Вагинова, чьи стихи и проза представляют собой как бы «отходную по Петербургу, как бы уже по сю сторону столетнего Петербургского

текста» [7].

1920-1940-е гг. – это время, когда «петербургская» инерция в Ленинграде еще продолжала действовать напрямую, поскольку, во-первых, оставались живые носители памяти о городе, во-вторых, после Великой Отечественной войны 1941-45 гг. имя Ленинград было «освящено» победой и навсегда стало связано с ней.

Таким образом, окончание собственно «петербургского» блока, имеющего огромный вес в отечественной культуре, стимулировало рост культурологической и историософской рефлексии, которая стала определяющей для всех последующих поколений поэтов и писателей. Несмотря на окончательное «принятие» обществом имени «Ленинград» после победы и особенно после блокады, поколение ленинградских поэтов – «детей войны», – к которому принадлежал и Бродский, свою поэтическую «родословную», «общей лирики ленту» вели как раз от культуры «серебряного века» и в том числе ее абсурдистского варианта (прежде всего ОБЭРИУ). Так появился ленинградский андеграунд, в рамках которого начинал Бродский.

По сути т.н. «поздние петербуржцы» [6] разрабатывали старые проблемы и мотивы на новый лад, соизмеряя их с текущей действительностью. Так уже известная Петербургскому тексту тема частного существования в городе стала одной из самых важных, особенно в свете навязываемого «сверху» коллективизма: «Народу своему какой я судия, / но и народ пускай туда не застит взора / <...> / А впрочем, мало ли какого вздора / понапророчила нам речь-ворожея!» [2] И вновь в центре петербургского мифа появляется некая мистическая и пророческая «речь-ворожея»; слово, культура – единственное, что оберегает и спасает одинокого человека теперь уже в Ленинграде.

Роль «архивариуса», которую взял у Москвы Ленинград, с другой стороны, усилила «физичность» Петербурга. Природа, стихия не то чтобы одомашниваются, как это было в поэзии Мандельштама, но воспринимаются всеми внешними чувствами, как они есть, как музейные экспонаты, как отдельные цитаты некогда существовавшей культуры: «Не сплошной, философский, / Но обычный закат, / Бледно-желтый, чуть жесткий, / Золотящий фасад» [5], или «Дверь раскроешь – и вот она, вечность: / те же баня, пивная, дурдом... / Из распахнутых врат чебуречной / за версту тянет Страшным судом» [4].

Однако «поздние петербуржцы» из-за своего «культурного» прошлого в основном были «внутренними эмигрантами» (а многие, например: Б. Беркович, В. Бетаки, Д. Бобышев, И. Бродский, М. Генделев, Б. Кенжеев, К. Кузьминский, Л. Лосев и др., – были и «внешними»), поэтому определяющим мотивом/сюжетом этого поколения ленинградских поэтов стало «исчезновение» того культурного рая, который был в Петербурге и который является теперь источником и достоянием их поэтических высказываний.

«Переживание бытия как “исчезновения” вызывает у художника эгоцентрическую реакцию, страшно драматизирует его взгляд на самого себя. Завет Ахматовой – “не терять своего отчаяния” – восхитительно петербургский совет» [1]. Здесь же можно вспомнить фразу Бродского «человек отличается только степенью отчаянья от самого себя» [3, IV, 34]. Все это объясняется тем, что «поздние петербуржцы» вынуждены были писать как бы с позиции «пост-» – «после катастрофы». Формировавшаяся система взглядов постмодернизма во многом определила отношение «поздних петербуржцев» к уже сформировавшемуся Петербургскому тексту как к поэтической традиции русской литературы. «Вторичность как позиция» (В.Б. Брайнин) выводит на первый план проблему и специфику художественного восприятия всяких текстов (Петербургского в том числе).

Таким образом, главная проблема в определении специфики существования Петербургского текста во второй половине XX века не в том, является ли, скажем, «ленинградский» блок автономным или нет (мы уже привели некоторое количество примеров прямой «наследственности» «поздними петербуржцами» идей и идеалов Петербургского текста), а в том, как происходит художественная рецепция петербургского кода каждым из «ленинградских» поэтов и как на эту рецепцию влияли идея «частного существования» и мотив «исчезновения».

Список использованной литературы

1. *Арьев А.Ю.* Свидание после развода // Новый мир. 1996. № 1 // http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/1/arew.html
2. *Бобышев Д.В.* Сонет // Русская поэзия 1960-х годов // <http://ruthenia.ru/60s/leningrad/bobyshev/bob-3.htm>
3. *Бродский И.А.* Сочинения: В 7-ми тт. СПб., 1997-1999.
4. *Каминский Е.Ю.* «Дверь раскроешь – и вот она, вечность...» // Каминский Е.Ю. Из мрамора. Стихотворения 1985-2006. СПб., 2007 // <http://www.zvezdaspb.ru/index.php?page=21>
5. *Кушнер А.С.* «Удивляясь галопу...» // Кушнер А.С. Ночной дозор. М.-Л., 1966 // <http://kushner.poet-premium.ru/shestidesyatye.html>
6. Поздние петербуржцы: поэтическая антология / Сост. В. Топоров. СПб., 1995.
7. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995 // http://philologos.narod.ru/ling/topor_piter.htm